

Памяти
Светланы Станиславовны Рябцевой
посвящается

In memory of Svetlana Ryabtseva

«Мои глаза ласкают твой портрет». Несколько штрихов к образу исследователя Светланы Рябцевой

*... Что бы ни случилось,
Уйти не сможешь — мыслию одной
Мы связаны надежней всякой силы.*

Уильям Шекспир

* * *

Кажется, это Пьер Буаст когда-то заметил, что многие выдающиеся люди, подобно звездам, удостаиваются должного внимания только тогда, когда они затмились. Наверное, в полной мере эти слова можно было бы отнести к Светлане Рябцевой — человеку хотя очень скромному, но при этом ярко проявившему себя и в своей профессии, и в разных сторонах жизни. После того как сообщили об её безвременной кончине 21 июня 2019 года, слова «светлый», «светлый человек», «светлая Светочка» были самыми употребляемыми эпитетами в многочисленных откликах, комментариях на это трагическое известие. Конечно же, для большинства людей, знающих о Светлане Станиславовне Рябцевой — она прежде всего профессиональный ученый, археолог, видный исследователь истории средневекового ювелирного дела, костюма и ювелирного убора Восточной и Юго-Восточной Европы. Но мы хотели бы рассказать о Ней не только как об ученом, но и как о личности, человеке, друге, художнике...

Пусть это будут те штрихи к портрету Исследователя, которые сделают более близким и узнаваемым образ Светланы. Мы не сомневаемся, что еще многие годы к ее научным трудам будут обращаться специалисты-археологи. Но если после прочтения этого текста они хотя бы отчасти увидят за строками научных публикаций не только ученого, но и человека во всем многообразии его судьбы и душевных качеств, то мы посчитаем свою задачу выполненной.

Светлана Рябцева (до замужества Козина) родилась 7 декабря 1966 г. в городе Ленинграде. И гордилась этим. Как и многие люди ее поколения, она неоднозначно воспринимала возвращение родному городу прежнего исторического названия. Видимо, на это повлияли услышанные в детстве от очевидцев рассказы о ленинградской блокаде. Не случайно много лет на ее страничке в социальной сети в качестве статуса фигурировали слова припева песни из фильма «Мы из блокады»: «*Ведь мы же с тобой ленинградцы*».

Светлана была единственным ребенком в семье Станислава Васильевича Козина и Галины Моисеевны Полевой. И отец, и мама всю трудовую жизнь преподавали в Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (до 1993 г. Ленинградский электротехнический институт связи — знаменитый «Бонч»). Станислав Васильевич с юности был страстно увлечен поэзией, Галина Моисеевна прекрасно рисовала и брала Свету еще маленькой девочкой на пленэр. Сами родители Светланы были кореными ленинградцами, но родители ее мамы были из Ельца, а корни отца — с Рязанщины. И бабушка, и дед, и прадед Светы по материнской линии работали учителями в Ельце, дед по отцовской — служил почтальоном. Война забрала обоих дедов. Дед Моисей погиб/пропал без вести уже в августе 1941 года. Дед Василий вернулся с войны, но с тяжелым ранением, и вскоре умер.

Родители Светы жили скромно, чтобы не сказать — бедно. К моменту рождения дочери молодая семья, с которой вместе уже проживала и бабушка по материнской линии — Анастасия Кузьминична, обладала комнатой в коммуналке на Литейном проспекте.

Из воспоминаний Светланы Рябцевой:

«...Помню, как с наступлением ночи меня укладывали спать, выключали в нашей комнате свет, а папа садился у самой входной двери лицом к освещенному коридору и на каком-то ящике писал диссертацию.»

С самого раннего возраста Света вместе с мамой уезжали на всё лето в Елец. Позднее, уже подростком, и до конца 90-х годов их семья много лет снимала на лето дачу в Луге.

*«Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете...»*
(А. С. Пушкин, 1817 г.).

Света, несмотря на всю любовь к «солнцу русской поэзии», всегда с легкой иронией относилась к этому мнению. Парадоксально, но после Луги судьба свяжет ее с Кишиневом, которому от «солнца» тоже досталось: *«...Тебя бранить язык устанет...»* (А. С. Пушкин, 1823 г.). Света обожала Лугу, уютную, тихую, прогулки босиком по местным песчаным дорогам, сосновый бор, который начинался чуть ли не сразу за калиткой дачи.

Ирина Минаева:

«...Незадолго до 21 июня мне по адвокатским делам пришлось ездить в Лугу. С Лугой связаны Светины годы детства и юности. Много лет ее родители выезжали на природу летом именно в Лугу, снимали домик. Там у Светы были друзья, много светлых воспоминаний, она рассказывала о летних каникулах в Луге, описывала в школьных сочинениях свои беззаботные дни. Я делала фотки и пересылала Свете, чтобы она ещё раз мысленно вернулась к своим детским забавам, надеждам и мечтам. Я рада, что она успела заглянуть в своё прошлое перед завершением земного пути.»

Видимо, оттуда, из Ельца и Луги — родом из детства и юности, и появилась на всю жизнь огромная любовь Светланы к древним русским городам. Псков, Новгород, Архангельск, Старая Русса, Ярославль, Ростов, Владимир, Суздаль — этот список можно было бы продолжить — до конца жизни любимые места для ее поездок, командировок, отпусков... а еще потом к ним прибавились любимые Киев и особенно Краков.

В начале 1970-х семья Козиных путем нехитрых обменов с доплатами получила

двухкомнатную квартиру в новом городском районе на правом берегу Невы, месте, известном старожилам как Веселый поселок. Точная этимология этого названия до сих пор неизвестна, как и непонятно, что в этом районе было веселого, но Свете здесь нравилось — можно было совершать одной или с друзьями любимые ею прогулки в лесопарковой зоне — по берегу протекающей здесь речки с загадочным названием Оккервиль. Здесь же Света пошла в школу под номером 13. Школа эта была особая, как говорили тогда, экспериментальная, с английским уклоном.

Ирина Минаева:

«Мои первые воспоминания о Свете уносят меня в далёкое детство. Это 1 сентября 1974 года, праздничная линейка в честь начала учебного года во дворе школы №13. Среди нарядных и немного взволнованных первоклашек помню отчетливо — Света Козина (она была такая хрупкая, с пушистыми, светлыми, выгоревшими за лето на солнце, почти белыми, волосами до плеч и с огромным белым бантом на макушке). В школе она была достаточно раскрепощенной (в хорошем смысле), имела всегда своё мнение и не скрывала его, даже если оно шло вразрез с мнением большинства. Думаю, что формировалось это качество в семье. Родители у Светы вели жизнь, немного отличающуюся от быта большинства семей в то время. Они были преподаватели, занимались точными науками, семья математиков, были увлечены своим делом и... искусством. Привили и своей дочери интерес к познанию, поэзии...»

Помню, что были некомфортные моменты у Светы в классе, когда учитель задавал подготовить работу по материалам телепрограммы. А родители Светы были убеждены, что телевизора в доме быть не должно. Его и не было. Неминуемо возникали ситуации, когда над Светой посмеивались и упрекали, было и непонимание учителей, и записи в дневник, и слезы, и пр. ... Но она мужественно отстаивала точку зрения своих родителей.

Училась Света всегда выше среднего уровня. Была бы и первой по успеваемости в классе, если бы не ее избыточная эмоциональность. Она порой заикалась. Света, похоже, просто не успевала за своим вдохновением, поэтому некогда было ей обращать внимание на орфографию и пунктуацию. Какие могут быть правила, когда надо успеть поделиться своими мыслями, всё донести и записать? Какие были сочинения у Светы?! Лучшие! За содержание и раскрытие темы у Светы всегда были «отлично» или «отлично с +». Она всегда имела своё видение, красиво его излагала, удивляла, порой, даже учителей. Обяза-

тельно находила оригинальные изгибы мыслей, новые формы, нестандартные цитаты. Было интересно! Частенько ее сочинения зачитывали перед классом...».

Света еще в школьном возрасте всегда была готова на неординарный и, если нужно, мужественный поступок.

Ирина Минаева:

«...Нам в восьмом классе на уроке труда дали задание приготовить торт, но только по своему, не известному никому рецепту. Нас поделили на бригады. И мы договорились, что наша бригада будет заниматься кондитерскими упражнениями у меня дома. В компании у нас, кроме Светы и меня, было ещё человек пять. Придумали мы испечь медовый блинный торт. Опыта большого у нас не было. В процессе выпекания блинов для торта у нас вспыхнуло масло на сковороде. Видимо, слишком много мы его налили. Огромное пламя и дым коромыслом. Все завизжали. Кто-то вырвал эту раскаленную с горящим маслом сковородку на пол. Девчонки с криками разбежались из кухни. И только мы со Светой остались спасать сковородку, пол, блины и пр... Мы погасили огонь и Света всё с тем же с завидным спокойствием продолжала помогать мне навести порядок после происшествия. Пол в квартире был из линолеума, и пока я жила в той квартире — огромный расплавленный след напоминал о нашем торте. И о нашей со Светой собранности и отсутствии паники в критические мгновения, а мы были еще, практически, дети...».

Света уже тогда, в школьные годы, отличалась огромной работоспособностью и самодисциплиной. Можно только удивляться, как она столько успевала, совмещала обучение в школе (в старших классах здесь преподавали и ряд предметов — биологию, химию и др. — на английском языке) с занятиями музыкой — игра на фортепиано (она занималась индивидуально с учительницей музыки дома), обучением в художественной школе и посещением кружка-студии в Государственном Эрмитаже. Собственно, два последних занятия и заложили выбор ее двух главных любимых дел в будущем.

В рамках деятельности кружка в Эрмитаже осуществлялись поездки ребят по памятникам архитектуры под руководством известного археолога Т.А. Чуковой, читали лекции такие корифеи науки, как М.Б. Пиотровский, Д.А. Мачинский, М.Б. Щукин и другие именитые исследователи. Света только на дороге в Эрмитаж, наземным транспортом — ближайшие станции метро появились позже, тратила по несколько часов в день. Это было сложно, часто ее сопровождал на обрат-

ном пути отец после окончания своих лекций. В дальнейшем этот эрмитажный кружок predetermined выбор профессии.

Но не сразу...

* * *

В 1984 г., после окончания десятого класса, все прочили Светлане Козиной, исходя из ее способностей, деятельность в области литературоведения или искусствоведения, в крайнем случае журналистики. Но, уже имея за плечами «художку», совершенно неожиданно для всех (но не для родителей) Светлана стала поступать в знаменитую «Муху» (Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной, после 1994 г. переименованное в «Санкт-Петербургскую художественно-промышленную академию имени А.Л. Штиглица»). В эпоху так называемого застоя, когда в советском обществе, особенно в больших городах, прочно сформировалась модель «ты — мне, я — тебе» и стали цениться «полезность» и «умение что-то достать», многим ее друзьям этот выбор показался «несерьезным». Трудно сказать, как всё могло бы сложиться в дальнейшем, но Света не прошла по конкурсу. Не тратя времени на слёзы, раскачку и обдумывания, уже в сентябре этого же года Светлана Козина меняет вектор своей судьбы — устраивается на работу в «Горьковку» — Научную библиотеку им. Горького Ленинградского государственного университета. И работает там год — до следующего поступления, но уже не в «Муху», а в этот же, ставший родным еще до поступления, университет.

В 1985 г. Светлана поступила на исторический факультет Ленинградского университета. Вопрос о выборе специализации перед ней 1 сентября не стоял, после блистательных лекций эрмитажников, услышанных ею еще во время обучения в школе, это могла быть только археология. Так она оказалась на Кафедре археологии ЛГУ.

Светлана Рябцева:

«Свет, доброта, благорасположение, уважение к людям, ну и, конечно, исконная питерская интеллигентность — это было первое, что видели мы, новоиспеченные студенты, еще не пришедшие в себя от баталий и переживаний вступительных экзаменов, когда переступили порог ставшей потом родной Кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ. И одним из источников этого света был Василий Александрович Булкин» (Рябцева 2018: 27).

На Кафедре археологии ЛГУ было много прекрасных преподавателей, читавших вели-

колепные лекции, но В. А. Булкин был не только отличным лектором, но и замечательным научным руководителем курсовых и дипломных работ для Светланы и ее сокурсников. Он не жалел своего времени и сил для работы и общения со студентами, таскал для них редкие книги из дому.

Светлана Рябцева:

«Без усталости и терпеливо вел нас через разные этапы исследования, показывая различные методы и подходы», «Василий Александрович всегда был полон научных идей, которыми он щедро делился, поэтому темы, которые он предлагал в качестве курсовых работ, были всегда очень интересны» (Рябцева 2018: 27).

Под влиянием и руководством В. А. Булкина Светлана начала разрабатывать темы по древнерусским украшениям, то есть те темы в археологии, которые были наиболее близки к изобразительному искусству. Любовь к рисованию, сохранявшаяся на протяжении всей жизни, и полученные навыки очень ейгодились при скрупулёзном анализе предметов ювелирного искусства.

Светлана Рябцева:

«...На первом курсе у меня была работа “теоретическая” — по топографии распространения и специфике составов и находок древнерусских денежно-вещевых кладов. А вот на втором курсе В. А. Булкин сказал. “А теперь тебе надо перейти на другой берег Невы. Там, в Эрмитаже — Шлаховский клад, его хранит Злата Александровна Львова. Это очень важный комплекс, а про него практически ничего не написано. Пора тебе работать с подлинными вещами, рисовать их”. Потом, узнав, что я общаюсь и учусь не только у Златы Александровны, но и у Рафаэля Сергеевича Минасяна, очень обрадовался и хитро улыбнулся: “Рафаэль Сергеевич занимается с тобой? Как хорошо! Но мы об этом никому не скажем... Вот тебе и замечательный оппонент на диплом”! У него действительно был план на всю работу вперед, так как на следующем курсе был еще один “более дальний” поход по Дворцовой — до Института истории материальной культуры и рукописного фонда Гали Федоровны Корзухиной. Думаю, и другим студентам он также демонстрировал все практические и теоретические моменты специфики исследовательской работы... А еще Василий Александрович очень любил точность во всем и четкость изложения. Свои первые одностраничные тезисы под его руководством я переделывала раза четыре и очень благодарна за то терпение, с которым он вновь и вновь возвращался к вычитке. Это была та школа, плоды которой я пожинаю до сих пор» (Рябцева 2018: 27—28).

С годами обучения в университете связано и участие в 1986—1988 гг. в первых экспедициях — археологических раскопках средневековых памятников, причем очень известных — Городище на р. Сясь под Тихвином (под руководством В. А. Булкина) и Тимерево (под руководством В. Н. Седых). Были и раскопки в Сибири — Кош-коли, Красноярский край (под руководством Э. Б. Вадецкой). В 1989 г. Светлана участвовала в археологических исследованиях комплекса Соловецкого монастыря (в частности, построенной в конце XVI в. т. н. Корожной тюрьмы, располагавшейся в башне крепостной стены), которыми руководил Андрей Николаевич Рябцев — ее муж (к сожалению, брак оказался недолгим).

Светлана Рябцева окончила университет в 1990 г., но из-за «разгулявшейся» в стране перестройки не получила распределения на работу. На протяжении ряда лет она работала в составе постоянно действующей Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа — участвовала в раскопках средневековых Пскова (1991, руководитель С. В. Белецкий) и Новгорода (1992, рук. О. М. Иоаннисян), церкви св. Бориса и Глеба и др. в Ростове Великом (1992—1995, рук. О. М. Иоаннисян).

Именно в тех «иоаннисяновских» экспедициях развились и окрепли на долгие годы зародившиеся еще в детстве, в «походах с Т. А. Чуковой», интерес и любовь Светы к русской церковной архитектуре, после переезда в Молдову включившие в свою орбиту и карпато-балканское храмовое зодчество. В университетские годы она продолжала много рисовать, и если проанализировать ее творчество, то увидим, что кроме любимых ею цветов и природы, в центре сюжетов часто выступают храмы. А рисовала Света непрерывно, все свободное от работы и сна время.

Яна Соловьева:

«Мы познакомились со Светочкой в экспедиции Олега Михайловича Иоаннисяна в Ростове Великом. Как-то сразу подружились. Жили в Кремле, спали в большом безликом зале коммуной, чаёвничали на улице, если погода позволяла. Там же на столе, после работы, всегда разложен лист ватмана... Отчетливо врезалось в память, как Света рисует жар-птицу, она как Светин почерк жемчужный, само изящество! Еще один завиток и готово! Будет нашу экспедиционную жизнь украшать!»

* * *

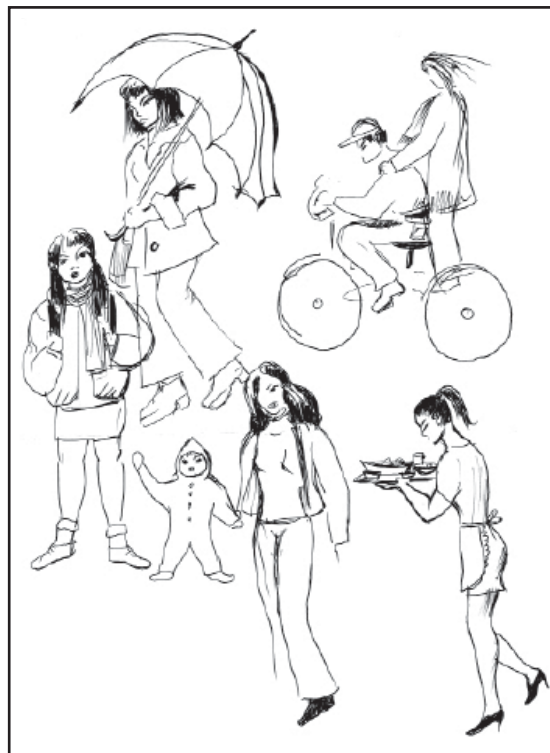
Начиная с 1993 года и по 2000 г. Светлана работала научным сотрудником Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, где являлась ответственным за хранение археологических материалов из раскопок древнерусских городов. Это была действительно чрезвычайно ответственная работа (нужно было хорошо знать и обрабатывать коллекции). А порой и нервная. Вспомним период в конце 1990-х (в 2000-х, правда, ситуация в этом отношении стала еще хуже), когда Эрмитаж оказался в поле «грязной» информационной войны, развязанной на одном из этапов губернаторских выборов. Желтая пресса, жадная до сенсаций настолько, что эти сенсации «о воровстве» искусственно добывались из пальца, злобными «предположениями» буквально терроризировала коллектив сотрудников Эрмитажа.

Света очень переживала эту ситуацию, она была влюблена в Эрмитаж и эрмитажников, здесь была ее родная стихия, здесь был её второй дом.

Ирина Минаева:

«Она чувствовала себя в Эрмитаже как дома. Легко ориентировалась в многочисленных залах, экспонатах, выставках. Она знала массу уникальной информации и готова была со всеми делиться ею. Она записывала меня и моих родственников, друзей на выставки, в кладовые, приглашала на редкие экскурсии, она дружила и общалась со многими выдающимися сотрудниками главного нашего музея, ее все очень любили, всегда были приветливы и доброжелательны не только со Светой, но и с ее гостями. Мы со Светой после прогулки по залам или экскурсии заруливали в эрмитажный буфет попить чайку, а потом долго сидели на красных бархатных диванчиках под мраморными изваяниями и болтали от души о своей жизни, обо всем подряд...»

Как известно, Эрмитаж — это особый мир. Здесь совершенно неразрывно живут археологические объекты, произведения искусства, здания и люди. Сотрудники ежедневно видят тысячи шедевров, общение с произведениями искусства не может не отразиться на человеке, его мировосприятии. Светлана Рябцева работала не только в хранении, она участвовала во многих мероприятиях, помогала готовить выставки, с некоторыми выставками Эрмитажа выезжала за пределы Петербурга, как, например, в 1996 г. в Японию.

Рис. 1. Рисунок на оборотной стороне листа из письма Светланы Рябцевой, присланного из Японии. 1996 г.

Fig. 1. A drawing from the letter sent by Svetlana Ryabtseva from Japan. 1996.

Роман Рабинович:

«Света любила рассказывать о своих впечатлениях об Японии. Страна детей и цветов, как говорила она. Традиционная японская вежливость, бумажные фонари, сады камней, вкус настоящего “суси” (в Петербурге в середине 90-х суши — еще экзотика) и т.д., и т.п., как обычно, в то время впечатляло всех. Одно из ярких воспоминаний — о случае в ресторане, где угощали ужином вместе российских гостей и их японских коллег. В многолюдном заведении гостей развлекали на сцене живой музыкой, пением и номерами женщин-танцовщиц. Надо сказать, что в этот период (потом в Кишиневе это продолжится) Света очень увлекалась занятиями восточными танцами. Музыканты обратили внимание на русскую гостью за столом “музейщиков”, которая, внимательно следила за танцовщицей, и не вставая со своего стула, сама совершала движения в такт музыке, и неожиданно для нее... пригласили на сцену, хотя местная плясунья еще продолжала свой номер. Света не знала японских обычаев (вдруг отказ обидит музыкантов или других гостей), приняла приглашение и станцевала прямо рядом с “профессионалкой” на сцене нечто “восточное”. — Вот теперь могу подрабатывать

ресторанной танцовщицей, — шутила она после этой памятной поездки».

В период работы в Эрмитаже у Светланы окончательно формируется сфера научных интересов — история ювелирного искусства и костюма Восточной и Юго-Восточной Европы.

Причем если в первые годы она в своих исследованиях концентрировалась исключительно на древностях Восточной Европы — Киев, Древняя Русь в целом, отчасти Волжская Болгария, то со временем первоначальный простой поиск аналогий для местных изделий художественной металлообработки за пределами этих территорий перерос в глубокий интерес к истокам происхождения и особенностям бытования тех или иных типов украшений в степном мире Евразии, Карпато-Балканском и Среднедунайском регионах.

В 1996 г. Светлана Рябцева оформила соискательство в аспирантуре Государственного Эрмитажа и стала готовить кандидатскую диссертацию. Научным руководителем ее работы был Рафаэль Сергеевич Минасян — ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа, признанный специалист в области исследования металлообработки для эпох древности и средневековья.

Руководство Р. С. Минасяна было очень полезным для профессионального роста Светланы, особенно, конечно же, в плане выработки навыков технологического анализа, но она, возможно, не всегда была самым «послушным учеником» — она увлекалась, ее, что называется, частенько «сносило» с чистой технологии в область морфологического и стилистического анализов, то есть в те области исследования, где наиболее проявлялась художественная эстетика, зримо сказывалось влияние межрегиональных культурных связей и присутствовал широкий географический охват. К тому же, начиная с 1998 года, контакты соискателя и научного руководителя заметно ослабли и стали нерегулярными: с 1998 по 2000 г. Светлана проходила стажировку в Институте археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова в г. Кишиневе и поэтому не так уж много времени находилась в Санкт-Петербурге.

В конце 2000 года диссертация С. С. Рябцевой по теме «Древнерусский женский ювелирный убор IX—XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (Основные тенденции формирования)» была представлена для защиты в Специализированный совет по спе-

циальности «Археология» в Институте истории материальной культуры (ИИМК РАН), так как Специализированный совет в Эрмитаже не было, и 30 мая 2001 г. успешно защищена.

Эта диссертация в дополненном виде стала основой монографии Светланы Рябцевой «Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования», вышедшей в 2005 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Нестор-История» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и дружеском содействии директора издательства Сергея Эрлиха. Рецензентами книги стали очень ответственные и дотошные ученые Анна Анисимовна Пескова и Юрий Михайлович Лесман («*Прекрасным моментом ученичества было для меня обсуждение замечаний, высказанных Юрием Михайловичем, ставшим очень внимательным рецензентом моей книги*» — позднее писала в одной из своих статей Светлана Рябцева). Выразительная обложка, талантливо сделанная молдавским археологом и дизайнером Денисом Топалом, была легко узнаваемой, запоминавшейся и стала «визитной карточкой» Светланы как специалиста по древнерусскому убору. Не маленький для подобных специализированных научных изданий в начале 2000-х гг. тираж (1000 экз.) был раскуплен в течение менее двух лет, книга стала библиографической редкостью.

Николай Тельнов:

«Первая монография Светланы посвящена исследованию процесса формирования комплексов украшений, составляющих парадные женские головные уборы в Древней Руси. В ювелирных уборах ранних славян и соседних народов выделяются типы украшений, получившие развитие и в более позднее время. Формирование древнерусского ювелирного убора изучается на фоне широкого круга аналогий из других регионов, позволяющих выявить исторический контекст включения в него изначально народных украшений. В монографии рассматривается процесс смены парадных ювелирных уборов древнерусского времени как отражение этнических и культурных контактов Древней Руси, изменений ценностных приоритетов ее населения. Работа является важным фундаментальным исследованием, нужным и востребованным специалистами...» (Тельнов 2019: 195).

Надо сказать, что на момент защиты кандидатской диссертации Светлана Рябцева формально уже не работала в Эрмитаже. В 2000 г., в связи с семейными обстоятельствами, она переехала на постоянное место жительства

в г. Кишинев и была принята на работу в Институт археологии и этнографии АН РМ, в отдел античной и средневековой археологии.

Роман Рабинович:

«Только начался 1996 год — третий заключительный год моей аспирантуры в ИИМК. На конец января на очередное заседание Отдела славяно-финской археологии был назначен мой доклад по теме “Серебряные тисненые украшения с зернью Карпато-Днестровского региона в IX—XI вв.”. Выступление носило отчетный характер — подводило итог второго года аспирантуры. Мой замечательный научный руководитель Анна Анисимовна Пескова предупредила меня, что она пригласит на доклад “одну даму из Эрмитажа”, которая занимается древнерусским ювелирным убором и которая интересуется серьгами “екимауцкого типа”, то есть той категорией украшений, которая должна была быть “коньком” моего выступления. Надо сказать, что на тот момент (2 года стажировки и 2 года аспирантуры) пребывания в археологическом Питере у меня сложилось впечатление, что в “Северной Пальмире” особенно глубоко нашу “ювелирку” из столь отдаленной археологической провинции не могут знать (ювелирными украшениями и в самой Молдове тогда специализированно никто не занимался).

Впечатление было, но и сомнения, когда услышал о “даме”, у меня появились. Поэтому, зайдя перед началом заседания в наш Отдел и окинув взглядом всех присутствующих, я отметил для себя с некоторым облегчением: кроме наших — сотрудников Отдела, было только двое гостей — очень молодых по возрасту. Одного я до этого уже видел в ИИМК и даже знал, как его зовут студенты — Бруно (позднее узнал настоящее имя — Игорь Попов). Он был студентом истфака. С ним рядом сидела тоненькая изящная со светлыми волосами очень питерская (южане меня поймут) девушка в джинсах и джинсовой куртке — по виду, ну абсолютно студентка. “Дамой из Эрмитажа” она никак быть не могла.

“Ну всё — не пришла моя ‘дама’”... Я расслабился и уверенно прочитал свой доклад. Начались вопросы. К моему удивлению девушка-гостья вдруг поднимает руку и, застенчиво опустив глаза, задает вопрос. Причем не просто по теме, а очень точный, пронзительно правильный и полезный для дела вопрос. Я ответил, но как мне потом показалось, излишне самоуверенно. Девушка явно еще хотела что-то спросить, но видимо из-за апломба моего ответа передумала это делать. Заседание после этого быстро закончилось, ко мне подходят Анна Анисимовна и “обиженная” мною студентка:

— Роман, вот хочу вас познакомить. Это Светлана Рябцева, она из Отдела истории русской культуры Эрмитажа, занимается древнерусским ювелирным убором...

После этого было много бесед со Светланой об екимауцких сережках, о раннесредневековой Молдове, о ключевом, с точки зрения ювелирных исследований, месте Карпато-Подунавья в системе культурно-исторических связей Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Долгое общение в коридорах ИИМКА и возле входа в читальный зал. Походы “на кофе” в Дом ученых по соседству со зданием ИИМКА и беседы по дороге в метро после совместных посещений домашнего семинара Марка Борисовича Щукина.

Я не раз потом возвращал Свету к теме моего «наглого» ответа тогда на моем докладе — она со смехом меня уверяла, что мне показалось, вполне дружеский был ответ. Не знаю, может, Света с присущей ей деликатностью не хотела, чтобы я переживал.

Началось наше многолетнее плодотворное научное сотрудничество. И не только в плане совместных публикаций и каких-то обсуждений, “обкатки” идей. Света стала моим очень близким другом и научным единомышленником».

Александр Мусин и Ольга Щеглова:

«...Руководителем Анна (Анна Анисимовна Пескова. — прим. ред.) была очень тонким, деликатным, внимательным, все время “была в курсе”, снабжала литературой... Анна старалась расширить контакты своего аспиранта, познакомив с нужными специалистами... Так она познакомила его со специалистом “по екимауцким сережкам” из Эрмитажа, которую ученик увёз потом в Молдавию» (Мусин, Щеглова 2017: 32).

* * *

Открытие Молдовы для Светланы Рябцевой состоялось за два года до начала ее стажировки в кишиневском институте — летом 1996 года. После участия в раскопках в России на р. Сясь под Тихвином (под руководством О.И. Богуславского) она оказалась на севере Молдовы, проживала в лесном лагере в ущелье на берегу Днестра, в составе экспедиции (под руководством М.Е. Ткачука), исследующей памятники разных эпох в микрорегии Рудь-Арионешты. И последующие полевые сезоны она работала в этой же экспедиции.

Переезд в Молдову на постоянное место жительства вызвал неоднозначную оценку и питерских, и молдавских друзей и коллег Светланы. Действительно, в то время как наиболее образованное и квалифицированное

в профессиональном отношении русскоязычное население Молдовы стремительно и активно (кто на восток, кто на запад) покидало страну, переживавшую с конца перестроечных 1980-х гг. бум «национального возрождения», особенно усилившегося вследствие «свалившегося ниоткуда» суверенитета Молдовы после распада СССР, это решение Светланы вызывало удивление и даже недоумение. Кое-кто из знакомых назвал ее «декабристкой», отправившейся по собственной воле, в отличие от Овидия и Пушкина, в южную бессарабскую ссылку. Но сама Светлана Рябцева подвижницей и героиней себя не считала.

Очень открытая всему свежему, позитивному, красочному, с огромным и неподдельным интересом она впитывала любую новую информацию и искала её. Она как будто осваивала «культурную целину», влюбилась в новую родину — в ее живописную разнообразную природу, людей, местные обычаи, культурное многообразие, язык. Света быстро и, можно даже сказать, с каким-то нетерпением и очень свойственным ей упорством осваивала молдавский/румынский язык.

Не нам, не носителям языка, конечно, компетентно судить об уровне владения ею румынским, но в любом случае этого уровня оказывалось достаточно, чтобы эффективно прорабатывать научную литературу, а в письмах и устно, в том числе во время ее многочисленных командировок в Румынию, вполне полноценно изъясняться с румынскими коллегами. Что здесь особенно удивительного? Да речь идет о Молдове — толерантной стране, где традиционно многие представители русскоязычного населения старшего и среднего возраста, даже родившиеся здесь, государственный язык на таком уровне так и не освоили.

Светлана с особым трепетом относилась и к народной молдавской культуре, и к культуре Балкан в целом. Музыка «Здоб ши Здуб» и Горана Бреговича, фильмы Эмира Кустурицы и Эмиля Лотяну стали для нее органичными и любимыми. Света с удовольствием носила «этнографические» блузки, юбки, косынки, часто посещала кишиневский Музей природы и этнографии и так называемый «молдавский Арбат» в центре Кишинева, где приобретала поделки в народном стиле, никогда не оставляла без внимания народные празднества — День города, День вина и ежегодный фестиваль национальных общин Молдовы в центральном парке. Она с удовольствием носила сама и ежегодно в начале весны привозила в Петербург целыми горстями традиционные

молдавские мэришоры, щедро одаривая ими друзей и коллег.

Анна Жабрева и Наталья Калашникова:

«...Будучи коренной ленинградкой, Светлана Станиславовна нашла свою счастливую судьбу в Кишиневе... Она была принята на работу в Институт археологии и этнографии АН Республики Молдова. С.С. Рябцева по мере возможности приезжала в Петербург к родителям в отпуск или на конференции. Это позволяло ей поработать в фондах Эрмитажа, подобрать литературу в Библиотеке РАН, пообщаться с коллегами и друзьями. На каждую из таких, в общем-то, редких встреч Светлана Станиславовна приезжала с собственными рисунками — пейзажами и натюрмортами, с конфетами, сувенирами и изделиями народных умельцев из Молдовы... Так, коллекцию этнографических кукол А.Э. Жабревой дополнили оригинальные тряпичные куколки в традиционных молдавских костюмах, открытки с изображениями кукол разных регионов. Эти милые сердцу сувениры, научные работы, рисунки С.С. Рябцевой всегда будут напоминать об этом замечательном человеке» (Жабрева, Калашникова 2020).

Света всей душой полюбила молдавские ландшафты, как очень экзотичные, вроде Рудьского каньона или Старого Орхоя, куда она выезжала десятки раз, так и более «минорные», но не менее живописные поднестриевские долины. Любимым местом летнего отдыха и уединения от городской жизни на много лет стал крошечный «пансионат» в селе Оксентия, где Света жила в маленьком (состоявшем из одного помещения), деревянном домике, располагавшемся прямо на берегу Днестра, часами просиживала на небольшом прогулочном пирсе, по вечерам смотря на лунную дорожку и отражения звезд в реке... и конечно, как всегда, много рисовала...

Вячеслав Золотарев:

«Мы с моей женой Ириной и Романом со Светой как-то на выходные поехали к нашему другу Игорю Чебанюку в село Кошница — порыбачить на Днестре. Там очень живописные места. Света много рисовала, причем находя объекты (старая развесистая груша, розовый куст и т.д.) даже во дворе, и удивительное дело — смотря на ее рисунки, мы сами начинали по-другому видеть красоту вроде бы в обычных неприметных вещах.

Но та поездка запомнилась мне не только рисунками Светы, но и ее самообладанием, проявленным в сложной ситуации. В первый же день мы все вместе пошли на Днестр. Игорь отошел подальше и забросил удочки. Мы с Ромой пошли купаться. Я вышел раньше и присел на берегу

рядом со Светой. Рома находился в воде вроде бы всего в нескольких метрах от берега, именно находился, потому что плавать он, деликатно говоря, не очень умел. Но известно, Днестр река быстрая и коварная. Видимо Рома попал в водоворот, его несколько раз захлестнуло водой, а потом быстрым течением начало сносить к середине реки. Рома не закричал, прося помощи (как он потом признался из-за какого-то нелепого в этой ситуации чувства гордости), и только пытался противостоять течению. Света увидела его взгляд, но не вскочила в панике с криком, а тронула меня за локоть и тихо, но твердо сказала:

— Слава, Рома тонет...

Я прыгнул в воду, быстро доплыл до Романа и помог ему выбраться на берег».

Отношение к Молдове, ее природе, культуре, ее народам и людям у Светланы Рябцевой было органично связано, неотделимо от ее научной работы. Это была та среда, на фоне которой и в которой реализовывались ее исследовательские задачи. А задач оказалось много.

Своеобразие молдавской археологии в конце XX века заключалось не только в ее относительной молодости как науки, но и, соответственно, в том, что при огромной насыщенности и богатстве древностей в регионе, археологов было относительно мало, и поэтому специализировались они в основном по историческим эпохам и археологическим культурам (пожалуй, единственное в какой-то мере исключение — нумизматы). Естественно, что, когда археолог вынужден заниматься целой эпохой, в лучшем случае одной-двумя синхронными культурами, он редко в состоянии концентрироваться глубоко на какой-то одной категории материальной культуры.

Как тут не вспомнить П.А. Флоренского: «В борьбе с узостью взглядов, со специализацией, приходится волей-неволей быть поверхностным» (Флоренский 1994: 71). Поэтому местные археологи, и в частности археолог-медиевисты, только публиковали (и то далеко не все) находимые ювелирные изделия, в лучшем случае приводя какие-то относительно точные аналогии в других регионах. Их прежде всего интересовала хронология предметов (для уточнения датировки комплексов, памятников и культур в Молдове) и иногда этнокультурная атрибуция, а о специализированном исследовании таких находок речи вообще быть не могло.

Светлана Рябцева, уже приехав в Молдову, обладала достаточно хорошей подготовкой для молодого исследователя истории ювелир-

ного дела и потому оказалась востребованной в местной археологии.

Николай Руссев:

«Незабвенная С.С. Рябцева более двух десятилетий работала рядом с исследователями древней и средневековой Молдавии. Она незаметно, но прочно вошла в пеструю археологическую среду. Светлана не выпячивала своих знаний, в которых сплелись питерские интеллигентность и выучка, глубокие познания в истории и искусстве, а также собственное женское умение быть скромной и полезной. Как-то за совокупность всех качеств ее охарактеризовали одним, но весьма многозначительным эпитетом — «цепкая...»

Честно говоря, меня мало интересовали особенности костюмов, ювелирных изделий, детали отделки и пр. Лишь после долгих лет исследовательской работы становилась все более ясной глубина мысли великого Микеланджело: «Внимание к мелочам рождает совершенство, а вот совершенство уже не мелочь». На мой взгляд, Светлана поняла это значительно раньше и лучше множества коллег еще по причине особой подготовки, которой у большинства исследователей юго-запада бывшего СССР не было и не могло быть. У нее многому и многим можно было бы научиться... Что касается творческого наследия Светланы, то его, на мой взгляд, более всего отличает неповторимое сочетание легкой изысканности и научной пыливости» (Руссев 2020).

Так рождался метод Рябцевой. Не новый в европейской науке об украшениях, но впервые примененный и пока являющийся уникальным в археологической Молдове. Бог или дьявол кроется в деталях? (появление второго персонажа, сменившего первого, в этом идиоматическом выражении имеет относительно недавнее происхождение). Искусствовед В.А. Куллэ отвечает на этот вопрос так: «Гений кроется в деталях — одна из наиболее бесспорных аксиом искусствоведения. Отличие подлинного шедевра от преходящих конкурентов заключается в убедительности зафиксированного им мира. А она напрямую зависит от выпуклости и символичности деталей» (Куллэ 2019). Применительно к исследованию предметов ювелирного искусства это означало пристальное внимание ко всем малозаметным, или вообще, как правило, не заметным для неспециалистов деталям, так как они составляют их суть.

Светлана Станиславовна при изучении ювелирных украшений сочетала разные направления, одновременно и плодотворно оперируя данными технологического, морфологического, стилистического и искусствовед-

ческого характера. Но, будучи исследователем ювелирного дела в археологии, она была прежде всего историком, помещающим предмет своего исследования в контекст существовавших региональных и межрегиональных культурно-исторических связей, а часто, благодаря своим открытиям в сфере украшений, и обнаруживающим эти культурно-исторические связи.

Николай Тельнов:

«Светлана Станиславовна обладала редкой интуицией и способностью определять значение разрозненных и случайных находок и вписывать их в систему известных культур. Увлечение своей работой, любовь к ней и приобретенный опыт и знания позволяли ей при изучении источников делать обоснованные заключения и из массы ювелирных изделий надежно выделять те, которые имеют более выраженную этнокультурную специфику, которую, в значительной степени, можно было отнести к определенному этносу. Особенно ярко это проявилось в выделении материалов, соотносённых с древними венграми» (Тельнов 2019: 195).

Максим Квитницкий, Николай Тельнов, Виталий Синика, Сергей Лысенко, Аттила Тюрк:

«Светлана Станиславовна Рябцева внесла важный вклад в изучение пребывания ранних венгерских племен в Северо-Западном Причерноморье. По существу, её научные статьи положили начало решению одной из сложнейших проблем истории дунай-днестровских земель — венгерского присутствия в период Этелькёз... Особенно пристальное внимание исследователь уделяла украшениям и аксессуарам костюма венгерского облика, найденным на археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья... Было фундаментально обосновано присутствие древних венгров в Дунай-Днестровском междуречье» (Квитницкий и др. 2020).

Еще работая в Эрмитаже, но находясь на стажировке в кишиневском Институте археологии, Светлана Рябцева начала методично обрабатывать фонды находок всех музеев и археологических центров Молдовы и соседних регионов. Хронологический диапазон ее исследовательских интересов был широк (она изучала ювелирные древности от ранней античности до позднего средневековья), равно как и территориальный, охватывающий всю Восточную, Юго-Восточную и Центральную Европу. Поэтому С. С. Рябцева постоянно ездила в научные командировки, где работала в библиотеках и вживую знакомилась (рисовала, фотографировала) с коллекциями — и в отдаленных российских городах,

в Пермском крае, Поволжье, но особенно часто в Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше. Местоположение Кишинева и наличие у Светланы, помимо российского, еще молдавского гражданства с его безвизовым режимом посещения стран ЕС — оказалось стратегически удобным в плане быстрой организации частых командировок.

Со временем научные изыскания Светланы Рябцевой стали своеобразным «мостом между Востоком и Западом» — исследованиями Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Не случайно чешские коллеги именно ее пригласили написать раздел «Contacts between Eastern Europe and Great Moravia» в изданной в Брно в 2014 году монументальной коллективной монографии «Great Moravia and the beginnings of Christianity», собравшей известных ученых из Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, Германии, Австрии и Великобритании.

В том же 2014 году в Румынии, благодаря поддержке директора издательства «Istros» и Музея Брэилы, профессора Ионела Кындя и директора бухарестского Института археологии АН Румынии, профессора Еуджена Николае, вышла вторая индивидуальная монография Светланы Рябцевой «Pieșe de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextual relațiilor cultural-istorice (secolele XIV—XVII) [= Jewelry and costume decorations from the Moldavian and Wallachian principalities in the context of the cultural and historical contacts (XIV—XVII centuries)], посвященная исследованию ювелирных украшений, характерных для населения Молдавского и Валахского княжеств. Эта книга получила позитивные отзывы специалистов, в том числе и в рецензиях, вышедших в Молдове и Румынии (Barbu 2014; Vasumenco-Pîrnău 2015).

Еуджен Николае, Николай Тельнов, Анна Болдуряну:

«В этом исследовании ювелирные украшения и аксессуары одежды, характерные для Молдовы и Валахии, рассматриваются в широком контексте с находками с территории Болгарии, Венгрии, Сербии, Македонии, Хорватии, Украины и России. Работа была очень хорошо встречена специалистами, но ее заслугой являлось также и то, что она существенно обогатила румынскую терминологию исследований ювелирных украшений: крайне внимательная и щепетильная в этом отношении, автор консультировалась для уточнения терминов с сотрудниками Института археологии „Vasile Pârvan” Академии наук Румынии, докторами Георге Кантакузино, Оана Дамиан, Адриан Ионичэ, Еуджен Николае» (Nicolae și al. 2019: 391).

* * *

Переехав в Молдову и «осваивая» Карпато-Балканский регион, Светлана Рябцева не выключилась из активной научной жизни России. Например, она время от времени пребывала в археологических экспедициях на ее территории, например, в Пушкинских Горах на Псковщине в 2001 г. (руководитель С. В. Белецкий), или в 2006 и 2009 гг. в Старой Руссе (руководитель Е. В. Торопова). Но особо тесные научные связи, конечно же, сохранялись с Петербургом. Здесь она была непременным участником ежегодных научных конференций по ювелирному делу и истории костюма, проводимых Государственным Эрмитажем (ежегодно участвовала с 1996 года) и Русским этнографическим музеем (ежегодно участвовала с 2005 г.).

Анна Жабрева и Наталья Калашникова:

«С. С. Рябцева принимала участие в престижных российских и зарубежных конференциях с многолетней историей: “Ювелирное искусство и материальная культура” (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург), “Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии” и “Санкт-Петербургские этнографические чтения” (Российский этнографический музей, С.-Петербург), “Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время” (Тверской государственный университет), “Simpozion de numismatică” и другие научные конференции Национального музея истории Молдовы (Кишинев), “International Congress of Byzantine Studies” (София) и др. ... Ее доклады, посвященные как отдельным типам средневековых украшений, так и общим проблемам развития ювелирного дела в эпоху средневековья, неизменно отличались новизной и качеством подачи материала. Тщательно подготовленные, с презентацией, они одинаково хорошо воспринимались на слух и читались» (Жабрева, Калашникова 2020).

Светлана Рябцева очень активно участвовала в многочисленных научных конференциях в Молдове, России, Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше. Большая часть ее докладов была опубликована в виде тезисов или материалов конференций. Всего же ее научное наследие насчитывает почти 230 подготовленных и опубликованных научных работ. География мест издания журналов и сборников материалов и статей, в которых публиковались работы Светланы, необычайно широка: Архангельск, Белград, Брно, Брэила, Будапешт, Бухарест, Велико Тырново, Вологда, Жешув, Иркутск, Казань, Киев, Кишинев,

Крайова, Краков, Люблин, Москва, Одесса, Омск, Орел, Плоешть, Пятра-Нямц, Самара, Санкт-Петербург, Севастополь, Силистра, София, Сучава, Тверь, Тюмень, Уфа, Харьков, Черновцы, Яссы.

Еуджен Николае и его коллеги отмечали «необычайный командный дух Светланы Рябцевой, который объясняет многочисленность исследований, проведенных совместно с другими учеными» (Nicolae și al. 2019: 391). Перечень таких авторов из разных стран также широк: Е. Н. Абызова, С. А. Беляева, А. И. Болдуряну, И. Г. Власенко, Л. В. Дергачева, Н. М. Калашникова, А. И. Корниенко, О. Г. Левицкий, Ю. М. Лесман, А. Е. Мусин, А. А. Пескова, А. В. Петраускас, Н. А. Плавинский, Р. А. Рабинович, Т. Ф. Рябой, О. К. Савельев, В. М. Сидорович, Н. П. Тельнов, Я. В. Френкель, В. П. Хахеу, М. М. Чокану и др.

Николай Тельнов:

«У Светланы Станиславовны всегда были добрые отношения к коллегам. Человек благородной и щедрой души, она не только уделяла много внимания воспитанию молодых кадров, но и оказывала необходимую помощь коллегам, которые обращались к ней в различных ситуациях за консультациями и советом. Она не только могла помочь, но способна была увлечь коллегу интересной темой, которую он сам не всегда мог выделить и определить ее перспективы» (Тельнов 2019: 195—196).

В многочисленных публикациях Светланы Рябцевой в полной мере отразилась сфера ее научных интересов:

- Исследование различных элементов женского парадного и повседневного ювелирного убора, украшений и аксессуаров женского и мужского костюма, а также декорированных предметов мужской воинской субкультуры, деталей ременной и сумочной гарнитуры и т. д.

- Происхождение и выявление прототипов для целого ряда элементов из состава ювелирных уборов и украшений для одежды населения Карпато-Дунайского региона на протяжении всей эпохи Средневековья. Античное наследие в средневековом ювелирном уборе. Византийское, западнославянское, великоморавское, восточное (Иран, Сирия, Арабский Восток), золотоордынское влияния в ювелирном искусстве Восточной Европы.

- Хронология, этнокультурные интерпретации (включая этническую атрибуцию) уборов и отдельных украшений, проблема соотношения «племенных» и «территориальных» уборов, ювелирных «провинций» Восточной Европы.

• Проблема источников сырья для ремесленного производства и инструментарий ювелиров на территории Карпато-Дунайских земель в различные периоды средневековой эпохи.

• Античные реминисценции в христианской изобразительной традиции. Кресты-энколпионы и другие предметы личного благочестия в системе христианской культуры Карпато-Днестровского региона в XI—XVI вв. Сложение образов святых покровителей Карпато-Балканских земель и соотношение христианского и языческого (на основании находок предметов мелкой пластики).

Светлана Рябцева внесла весомый, а в ряде случаев фундаментальный вклад в исследование украшений, найденных в составе целого ряда представительных кладов средневекового времени на территории Молдовы, Румынии, Польши, Украины, Белоруссии: Алчедарского, Войнешть, Рэдукэнь, Буруенешть, Фурчень, Дегтянского и клада, найденного вблизи летописного Возвягеля, кладов, найденных в Черемно и при раскопках в усадьбе Десятинной церкви в Киеве, и др.

С. С. Рябцевой были кропотливо проанализированы богатые коллекции предметов ювелирного искусства, происходящих из таких имеющих важное научное значение памятников, как города золотоордынского и молдавского средневекового времени Старый Орхей, Костешты, Белгород-Днестровский, недавно открытый памятник Тарасова; протогородские поселения Алчедар, Екиманцы, Германарие; давшие неординарный ювелирный материал погребения в Джурджулешть, Бучумень, Бранештском могильнике на территории Молдовы и захоронение знатной половчанки в Балотапуста (Венгрия).

Достаточно часто значение результатов исследований С. С. Рябцевой выходило за пределы собственно «науки об украшениях».

**Еуджен Николае, Николай Тельнов,
Анна Болдуряну:**

«...Некоторые из ее публикаций о находках на таких поселениях, как Старый Орхей, Костешты или Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) выходят за рамки исследовательской проблематики украшений, они важны для более детальной оценки результатов археологических исследований и изучения истории малого искусства в средневековой Молдове. В первом контексте упомянем анализ остатков одежды из погребений в развалинах нартекса каменной церкви Старого Орхей, ко-

торый предоставляет дополнительные аргументы для датировки церкви концом XVI — началом XVII века, как и предлагал когда-то Павел Бырня. Это вмешательство приветствовалось, учитывая, что гораздо более ранняя дата — вторая половина XIV века, казалось, уже и не оспариваемая, приводила к странным историческим и археологическим соображениям.

В качестве примера второго аспекта мы можем привести увлекательные результаты исследования предметов в форме лотоса или арабского цветка, обнаруженных на территории средневековой Молдовы... Светлана Рябцева заслуживает того, чтобы ее отметили и в связи с тем, что она публикацией в сотрудничестве с коллекционером Михаем Чокану целой серии богатых находок привлекла внимание к очень важному, но до этого не известному археологическому памятнику, расположенному в Тарасова» (Nicolae și al. 2019: 391).

Среди новаторских в организационном плане работ Светланы Рябцевой следует упомянуть и о том, что она в сотрудничестве с программистами из Санкт-Петербургского университета Е. О. Феофановой и А. Борисовой стояла у истоков создания первой в России информационной системы «Ювелирный убор Древней Руси», представленной в Интернете в начале 2000-х гг. Для электронной коллекции «Ювелирный убор Древней Руси» все цветные прорисовки украшений и графические реконструкции уборов она делала сама, впрочем, как и вообще для всех своих публикаций.

С. С. Рябцева, работая в Институте археологии и этнографии АН РМ (позднее переименованном в Институт культурного наследия АН РМ), прошла путь от научного сотрудника до ведущего научного сотрудника.

Светлана Станиславовна на протяжении ряда лет являлась членом Ученого совета Института культурного наследия АН РМ, а также Специального семинара по защите докторских диссертаций. Национальный совет по аккредитации РМ присвоил ей ученое звание старшего научного сотрудника. Она неоднократно награждалась почетными грамотами и премиями за выдающиеся успехи руководством Академии наук РМ. К слову сказать, гражданство Молдовы Светлана получила досрочно, внеочередно, как нужная стране высококвалифицированный специалист, по указу Президента РМ В. Н. Воронина. Несмотря на диагностированную в 2013 и прогрессирующую болезнь особенно продуктивно С. С. Рябцева работала в последние годы.

* * *

Всю свою жизнь Светлана Рябцева очень ценила своих учителей и всегда с огромным удовольствием и ответственностью сама «возилась» с молодежью. Она умела заинтересовать, умела вдохновлять.

Яна Соловьева:

«...Раскопки под Волховстроем. День археолога! Песни у костра, палатки в лесу. С нами моя младшая сестра-школьница. Я лишь на два дня, а она осталась на неделю со Светой. О чем уж говорили, да только сестра потом решила, что должна поступить в университет на истфак. Что может быть важнее! Спасибо, Света!»

Будучи в Институте членом Специального семинара по защите докторских диссертаций, она неформально, по много раз вычитывала работы молодых коллег, обсуждала с ними «проблемные места», как сугубо исследовательские, так и недоработки формальных требований, подсказывая ходы, как уйти от некоторых бюрократических рогаток, коих было немало в многостраничных требованиях молдавского ВАКа. Возможно, именно из таких обсуждений с диссертантом Лилией Дергачевой спустя годы родилось и осуществлялось их плодотворное научное сотрудничество, реализовавшееся в многочисленных совместных публикациях, проектах, командировках в научные центры соседних стран.

Важная страница в биографии Светланы Рябцевой — ее многолетняя работа в кишиневском университете «Высшая антропологическая школа» (ВАШ). Она преподавала то, что в первую очередь ей самой было очень интересно и связано с ее собственными научными изысканиями. На 3 курсе базового цикла (в Молдове он называется «лиценциат») она читала спецкурс «История европейского искусства (эпохи и стиль)». На втором цикле «магистратура» (исследовательский мастерат) С. С. Рябцева преподавала спецкурс «Ювелирное искусство и исторический костюм». Эта деятельность среди прочего вылилась в публикацию ряда научно-педагогических работ.

Светлана сама предложила руководству ВАШ включить эти спецкурсы в программы обучения и рьяно и очень старательно взялась за их подготовку. Собственно говоря, их подготовка, даже на второй, третий и т. д. год преподавания, никогда не заканчивалась. Конспекты ее лекций не желтели от времени: она их постоянно совершенствовала, в чемоданах, как всегда, набитых литературой при возвращении из Питера, много места занимали

огромные альбомы по искусству. Все семинары и лекции С. С. Рябцевой, от первой до последней, сопровождались постоянной цифровой презентацией. Надо ли упоминать, что первая вводная лекция по истории искусств традиционно начиналась с показа фильма об Эрмитаже.

Также, почти традиционно, Светлана Станиславовна, перемежая рассказ и «картинки» на экране, читала в ходе лекций стихи. Это были Брюсов, Блок, Волошин, Ахматова, Горюхицкий и другие, но обязательно ее любимая Цветаева.

Яна Соловьева:

«С особым чувством вспоминаю такие моменты, это еще в питерский период Светы. Мы делаем ремонт, клеим обои. Вечером вдруг появляются стихи Цветаевой, их много, мне раньше ближе была Ахматова. Стихи раскачиваются в цветаевском ритме, они и от Светы!».

Читая стихи, Светлана как будто отрешалась от реальности, от весенней зелени или белоснежной пелены за окном университета, от режущего глаза луча проектора, от очень задумчивых лиц слушающих ее ребят, будто находилась где-то далеко, прогуливаясь по набережной в компании с гранитным сфинксом, неторопливо приближалась к «стоящим навеки» и «забытым в веках» атлантам... В такие минуты Света, наверное, себя ощущала «в шитой серебром рубашечке...», цветаевской птицей «на одно крыло — серебряной, на другое — золотой...».

На ее лекциях часто присутствовали свободные от своих занятий другие преподаватели ВАШ, а иногда совсем посторонние люди «с улицы». На спецкурсе по костюму не только студентки, но и юноши-студенты с жаром выбирали «модные» темы для семинарских выступлений, причем мода на одеяния прошедших столетий интересовала ребят не меньше, чем мода современная.

Алексей Романчук:

«За двадцать с лишним лет нашего знакомства, постепенно переросшего в дружбу, можно вспомнить множество историй: интересных и глубоких, забавных и не очень, иногда — грустных... Каждая из них что-то расскажет о Свете. Вспоминаю историю, которая показала мне Свету с совершенно неожиданной мной стороны...»

Как-то незаметно и шутливо у нас сложилась традиция, по которой Света и Рома ежегодно дарили мне на день рождения рубашки. И решающее слово в их выборе, конечно же, всегда принадлежало Свете.

Шли годы, у меня собралась немаленькая коллекция этих рубашек. Понятное дело, рубашки мне дарили и другие люди, покупал я их и сам. Но как-то постепенно я вдруг обратил внимание: именно на те рубашки, которые дарила Светлана, на все из них — почему-то совершенно по-особенному реагируют женщины. Такое ощущение, что эти рубашки их просто восхищают. Что они видят в них что-то такое, что совершенно недоступно моему грубому, мужскому, взгляду. Я долго пытался понять, что именно так притягивает женщин в этих рубашках... Увы, загадка эта так и осталась мной неразгаданной...»

Как преподаватель ВАША Светлана Рябцева не только читала лекционные курсы, но и руководила характерными в Молдове только для этого вуза тьюторскими проектами. И здесь, на этом поприще, она воспроизводила своего незабвенного Учителя — Василия Александровича Булкина.

Вероника Радеева:

«В жизни каждого из нас много учителей. Но есть такие из них, которых независимо от хронологии их появления на нашем пути хочется назвать первыми. Это люди, ставшие для нас проводниками в новый мир и пролившие совсем новый свет на вполне привычные горизонты. Светлана Станиславовна Рябцева для меня — именно такой учитель.

Она мой первый научный руководитель и мой «волшебный помощник». Человек, который открыл для меня целый новый мир и научил в нем ориентироваться. Больше 15 лет прошло с тех пор как наши пути ненадолго пересеклись, но я с уверенностью могу сказать, что та система координат, которую в мое сознание заложила Светлана Станиславовна, со мной и по сей день — и далеко не только на уровне знаний: тут и художественные вкусы, и особый исследовательский стиль, и отношение к искусству как к феномену.

Она определенно умела учить, но что намного важнее — она умела вдохновлять. Она умела так заинтересовать любой темой, что каждый раз хотелось объять необъятное и узнать о ней все — вширь и вглубь. И в эти моменты очень помогало умение Светланы Станиславовны останавливать, вовремя обуздать этот внутренний порыв и направить его в нужное конструктивное и деятельное русло. Тонкая, хрупкая и чуткая натура, но вместе с тем — исключительно грамотный и последовательный методист — вот какой в моей памяти навсегда останется Светлана Станиславовна. Благодаря этому изящному балансу в моей жизни юного исследователя случались чудеса. Казавшееся неподъемным становилось воздушным, и непроходимый лес теории пре-

вращался в аккуратную и, вместе с тем, живую систему.

Трудно переоценить мою благодарность и признательность этой невероятно глубокой и мудрой женщине, воспоминания о которой навсегда в моем сердце. И пусть у каждого в жизни случится такой учитель».

* * *

Всё что было сказано до сих пор — это наша попытка рассказать о Светлане Станиславовне Рябцевой — рассказать как об исследователе и учителе, художнике и человеке, любящем прекрасное — природу, искусство, поэзию, гармонию. Но портрет этого человека для тех, кто близко знал ее, наверняка окажется не полон, если мы не покажем еще одну сторону — очень важную сторону ее жизни, особенно на ее последнем трагическом отрезке.

Так случилось, что Светлана, реализуя себя как профессиональный ученый и при этом стараясь отдавать себя и искусству, познавала мир именно этими двумя способами: в качестве исследователя — с помощью анализа и понятий, как человек искусства — с помощью образов, чувств. Но со временем, как у всякого размышляющего, рефлексирующего человека, а тем более ученого и художника, познание мира и себя привело ее к вопросу, возможно, одному из самых интимных в жизни любого — вопросу о её отношении к Богу. Чтобы глубже узнать и понять Светлану, нужно коснуться и этой темы — вопроса о той большой духовной работе, которую она проделала в своей жизни.

Света родилась и выросла в семье со стойкими атеистическими воззрениями. Что ее заставило в уже не самом юном возрасте принять христианство, она сама не говорила даже очень близким людям, да и они, в свою очередь, деликатно никогда об этом не спрашивали. Можно только догадываться. Возможно, это было влияние перестройки, коренным образом изменившей характер отношений не только государства, но и, главное, общества к религии. Или, что вероятнее, переросшая в Веру давняя Любовь к храмам как архитектурно-историческим объектам, наполненным сакральной силой. Или, что вероятно еще более, Надежда наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вряд ли можно сомневаться, что на ее решение повлияла поездка в 1987 г. на известный своими православными святынями остров Валаам с «Обществом добровольной

помощи реставраторам МИР», где она жила и работала в течение 2—3 недель. В 1989 году Светлана, как мы уже упоминали, работала в экспедиции мужа на Соловках. К тому времени там уже был создан церковный приход и была освящена часовня Св. Филиппа — первый возрожденный храм Соловков (монашеская жизнь возобновилась уже в 1990 г.). По рассказам мамы, Г.М. Полевой, Светлана и Андрей Рябцевы даже планировали остаться там жить, присматривали бытовую технику и т.д., но реалии перекроили эти планы, и они вернулись в Ленинград.

В период жизни на Соловках Света была уже беременна. Она признавалась очень близким людям, что незадолго до рождения ребенка ей приснился Иоанн Креститель, и поэтому родившегося в декабре 1989 г. сына они с мужем нарекли Иваном. Света крестила сына в церкви Св. великомученицы Екатерины в Луге, а сама приняла крещение в Спасо-Конюшенной церкви — православном храме на Конюшенной площади Санкт-Петербурга, известном тем, что здесь в 1837 году отпевали Александра Сергеевича Пушкина.

Яна Соловьева:

«В один из последних приездов Светы в Петербург мы встречаемся в центре. “Надо что-то купить тебе — говорит Света, — зайдём на выставку-продажу камней”. Мне нравится гранат, этот кулон на память. Затем пошли в храм Спаса Нерукотворного, что на Мойке. Здесь отпевали А.С. Пушкина. Мы почти одни. Конечно, это просто обмен подарками, мало ли ещё таких будет, ведь всё ещё будет?!!! Я не поняла, она не дала мне понять, что для неё это важный подарок на память!!!»

Приехав в Молдову, Света побывала во всех церквях в исторической части Кишинева, некоторые со временем стали для нее любимыми. В связи со своими научными занятиями и увлечением изобразительным искусством она познакомилась с С. Кирьяк, П. Гридновой, Ю. Патраковой, И. Сауловой, Е. Манзурой и др., которые входили или были близки к кишиневскому православному братству во имя прп. Паисия Величковского¹. Это братство является частью Преображенского содружества православных братств² из Петербурга, Москвы, Екатеринбургa, Твери и др., объединяющих христиан, желающих жить вместе по Евангелию в соответствии с православной традицией. Главные направления

служения братства — духовное просвещение и помощь в воцерковлении.

Светлана Кирьяк:

«Я познакомилась со Светланой в Национальном музее искусств в период, когда я писала работу для журнала “Аналекта” о коллекции икон, хранящихся в Католическом костеле Кишинева... Я поделилась с ней мыслями о своей работе, она рассказала о своей научной деятельности. Так завязалось наше знакомство. ...Потом встречались ещё несколько раз. До сих пор у меня хранятся два ее маленьких подарочка — открытка с видом Петербурга и брошь, изготовленная самой Светой — роспись по черному лаку. Светлана была ещё и настоящим художником с тонким вкусом. К тому времени прошло 5 лет, как я воцерковилась в православии, и мне, конечно, хотелось поделиться со Светой своей верой. Наверное, я это делала слишком напористо, и Свету это оттолкнуло. Мы перестали общаться... Прошло несколько лет, и вот однажды в маленьком храме во имя св. Василия, на Ботанике, я увидела Светлану. Я была несказанно рада. Мы продолжали иногда видаться на богослужениях, и вот однажды Света пришла на оглашение. Это была настоящая победа! То, с чем работала Светлана, археология украшений, часто ее источниками были средневековые фресковые изображения, — это же были образы духовные, это были святые жены. Изучала она и средневековые предметы личного благочестия. Как человек тонко чувствующий и как исследователь, докапывающийся до всего, она пришла к тому, что у нее стали появляться вопросы духовного плана. Ей нужно было разбираться, она нуждалась в духовном просвещении, и это было сродни тому, чем она до этого занималась³. Она не относилась к этому как обрядовому — тебя покрестили и ты уже верующий человек, нет. Если она шла к вере, то ей нужна была просвещенная вера. Света воцерковилась и вошла в братство. Помню, как мы все радовались, что рядом с нами появился такой интересный, творческий человек».

Елена Манзура:

«...У нее был свой путь к Богу — очень сложный и какой-то очень самостоятельный. Она сама дошла до какой-то глубины, до какого-то определенного этапа — она смогла разделить эту традицию в обрядовом смысле и глубокую христи-

¹ www.sfpaisei.blogspot.com

² www.psmb.ru

³ К вышесказанному позволим себе процитировать, что «и в религии, и в науке исследование проблемы “вера-знание” представляет собой одну из значительных гносеологических потребностей» (Никитина 2002) — прим. редакторов.

анскую традицию, и когда ей стало не хватать, она обратилась ко мне, и я стала ее приглашать на наши встречи... Что важно — она сумела найти путь качественной молитвы. Она через смысл, через дух, через традицию смогла дойти до глубины — это не всем дается... И когда ей опять стало не хватать — чего-то не складывалось, не хватало знаний, понимания чего-то, она сказала: я пойду на оглашение. А ей это было уже очень сложно физически на тот момент. Но она с таким светом это проходила. Было видно, насколько ей было тяжело физически, но насколько в духовном плане это было нужно. Она читала Писание, переживала его по-своему, для нее это был такой источник, на котором она строила свою жизнь. Это был такой эсхатологический прорыв в церковь...»

Юлия Патракова:

«О Светлане я слышала заочно от дочери Алины, учившейся в ВАШе, где Света преподавала. Лично познакомилась мы с ней в поездке в Старый Орхей, в одной из тех, которые совершает наше Паисиевское братство, приглашая друзей и знакомых, и вообще всех желающих — чтобы найти возможность поговорить о Боге и христианской жизни в красивом, полном исторических тайн месте. Тогда Света провела потрясающую экскурсию в местном музее, рассказывала нам про древние женские украшения — открылись ее качества серьезного, увлеченного ученого. Потом вместе с ней ездили в Максимовку к отцу Василию Кулешу в его последние годы, даже месяцы жизни. Помню поездку в Максимовку на Рождество Христово в январе 2015 года, за три месяца до ухода батюшки. Мы тогда после службы посетили его в келье. Несмотря на уже слабеющие силы, 90-летний отец Василий шутил, готов был с нами беседовать, отвечать на трудные вопросы, с которыми к нему обычно приезжали... Продолжилось общение со Светой в 2016—2017 гг., во время огласительных встреч, которые проводились силами Паисиевского братства. Катехизатором была Инна Саулова, я в числе других помогала... С благодарностью вспоминаю, как Света провела экскурсию в Историческом музее по выставке старообрядческих икон из частной коллекции Токмакова. Светочка была какая-то особенная, трогательная в своем переживании и ответственности — чтобы все получилось на высшем уровне, было видно, что она положила много сил на это. Так и запомнились мне прекрасные иконы в светлом Светином сопровождении...»

Светлана прошла длительное, с весны 2016 года, оглашение (катехизацию), которое завершилось воцерковлением весной 2017-го на Светлую седмицу в ее родном и любимом Петербурге. Исповедь за всю жизнь пе-

ред этим проходила в Москве у отца Георгия Кочеткова — духовного попечителя и основателя Преображенского братства и основателя и профессора, ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института. Летом этого же года Света поехала с группой Паисиевского братства в паломничество в Румынию, а уже через несколько месяцев она вошла в братство.

Юлия Патракова:

«...Мы вместе поехали в паломничество в Румынию — в Яссы и Нямецкий монастырь. Оно незабываемо. Светочка поехала, несмотря на 40 градусов жары. Главное, что мне в ней тогда запомнилось, — что она никогда не жаловалась, не роптала. Какая-то внутренняя радость, исходящая из спокойно принятого решения. Еще меня покорила Светина мудрость и милосердное понимание разных людей, даже с противоположными точками зрения. В одной спорной ситуации, о которой мы все очень переживали, Светлана сумела какие-то вещи так сказать, так высказать сочувствие всем одинаково, что это очень помогло успокоиться и принять произошедшее в мире».

Татьяна Кармазина:

«Несколько лет назад вместе с нами в паломничество по святым местам Румынии отправилась недавно прошедшая оглашение, воцерковленная сестра Светлана. Когда мы пересекли границу с соседней страной, кто-то предложил передать микрофон Светлане. И тут она преобразилась: ее выразительные, немного грустные глаза стали ярче, веселее. Света с профессиональным знанием дела рассказывала нам о тех местах, где мы проезжали, об истории края. И делала это как настоящий гид, только говорила она гораздо глубже и интереснее. Знакомила нас Светлана и с Яссами, где она, казалось, знала всё. В Румынии нас приютит Нямецкий монастырь, в котором более двухсот лет назад настоятелем был прп. Паисий Величковский. Однажды после трапезы, когда все отдыхали, я увидела Светлану, она сидела и что-то рисовала. Подойдя к ней, я взглянула на рисунок и была поражена. Света была еще и замечательным, тонко чувствующим красоту художником. Церковь, стоявшая напротив, как будто оживала на листе бумаги. Светлана с увлечением рассказывала мне об исторической и архитектурной ценности этого храма. И глаза ее лучились светом и добрым теплом».

Чем позже, тем всё труднее было Светлане посещать церковь и встречи Братства. В последних, когда ей позволяло ее состояние, она участвовала только по скайпу. Она уже была вынуждена экономить силы. Для молит-

вы и для работы... Она лихорадочно доделывала уже начатые статьи в журнал «Stratum plus» и в сборник в честь профессора Н.Д. Руссева. Чувство ответственности... Она же обещала...

Ирина Минаева:

«Света работала почти до последнего дня, почти до последнего дня была на связи. Вот последние слова, которые я получила от нее в сообщении в Интернете 16 июня 2019 года вечером, в 19:30 — «С ТРОИЦЕЙ,» я сразу поняла, что это последнее письмо от моей Светочки. Она всегда находила хоть несколько слов, со смыслом и для души, запоминающихся навсегда..., а тут... с троичей, ...Свете сил не хватило даже имя набрать... Значит, ...»

* * *

Вышло уже несколько мемориальных статей о Светлане Станиславовне Рябцевой. И помимо оценки ее научных работ, во всех из них обязательно отмечалось, каким другом, каким искренним и позитивным, каким светлым и вдохновляющим человеком она была, о том, что о Ней в наших сердцах останется только добрая память. Научные труды, даже гуманитарные, часто обезличены. И ведь мы, на-

верное, немало теряем, когда совсем не видим за ними автора и его жизнь со всей ее символичностью, метафоричностью, образностью.

Когда мы уже почти заканчивали работу над этой статьей, одному из нас пришло письмо от Яны Соловьевой, давнего петербургского друга Светы Рябцевой:

«...Ты будешь писать и появится образ, который мы все любили. В нем много женственности, хрупкости и лиризма. Светик сильная, гордая, талантливая, это то, что она хотела, а не то, что дала природа и видно невооруженным глазом... совсем другое, и, наверное, не надо быть сдержанным... И не надо стесняться тёплых слез...»

**«И вот тогда — из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова».**

P.S. Авторы приносят свою искреннюю и глубокую благодарность всем причастным к созданию этой книги: исследователям, приславшим свои статьи; родственникам, друзьям, коллегам, ученикам, сестрам по вере, поделившимся своими воспоминаниями; коллективу издательства «Stratum plus», который бескорыстно и в труднейших условиях нынешнего кризиса подготовил это издание к печати.

Роман Рабинович,
Николай Тельнов

Литература

- Жабрева А.Э., Калашникова Н.М. 2020. Светлана Станиславовна Рябцева (7 декабря 1966 — 21 июня 2019) — ученый, друг, человек. В: *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии*. Материалы XXIII междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 28—31 мая 2020 г. Санкт-Петербург, в печати.
- Квитницкий и др. 2020: Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Синика В.С., Лысенко С.Д., Тюрк А. 2020. Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. В: Рабинович Р.А., Тельнов Н.П. (отв. ред.). «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum. Кишинев: Stratum Plus P.P., 413—421.
- Куллэ В.А. 2019. Бог или дьявол кроется в деталях? Кольцо «А» 123. URL: <https://litinstitut.ru/content/bog-ili-dyavol-kroetsya-v-detalyah> (дата обращения 03.06.2020).
- Мусин А.Е., Щеглова О.А. 2017. Анна Пескова: опыт творческой биографии. В: Мусин А.Е. (отв. ред.). *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. Труды ИИМК РАН XLVIII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 17—36.
- Никитина О.О. 2002. Соотношение научного и религиозного познания в контексте принципа дополнительности. Дисс. ... канд. филос. наук. Томск. URL: <https://www.disscat.com/content/sootnoshenie-nauchnogo-i-religioznogo-poznaniya-v-kontekste-printsipa-dopolnitelnosti> (дата обращения 03.06.2020).
- Руссев Н.Д. 2020. От разноцветных ниточек до косточек и ножинок: к истории этнографических предметов давнего детства. В: Рабинович Р.А., Тельнов Н.П. (отв. ред.). «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum. Кишинев: Stratum Plus P.P., 459—464.
- Рябцева С.С. 2018. Спасибо, Учитель [В.А. Булкин]. *Stratum plus* (5), 27—28.
- Тельнов Н.П. 2019. Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой. *Revista Arheologică. Serie nouă* XV (2), 194—196.
- Флоренский П.А. 1994. Об одной предпосылке мировоззрения. В: Флоренский П.А. *Сочинения*. В 4 т. Т. 1. Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. Москва: Мысль, 70—78.
- Bacumenco-Pîrnău L. 2015. Recenzie. *Revista Arheologică. Serie nouă* XI (1—2), 327—328.
- Barbu V. 2014. Recenzie. *Studii și materiale de istorie medie* 32, 475—477.
- Nicolae et al. 2019: Nicolae E., Telnov N., Boldureanu A. 2019. Svetlana Reabțeva (1966—2019). *SCIVA* 70 (1—4), 389—408.

References

- Zhabreva, A. E., Kalashnikova, N. M. 2020. In *Moda i dizain: istoricheskii opyt — novye tekhnologii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies) XXIII*. Saint Petersburg, in print (in Russian).
- Kvitnitskii, M. V., Telnov, N. P., Sinika, V. S., Lysenko, S. D., Türk, A. 2020. In Rabinovich, R. A., Telnov, N. P. (eds.). «*Na odno krylo — serebrianaia, na drugoe — zolotaia...*» *Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi* ('One her wing is silver, The other one is made of gold...': *Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva*). Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum plus P. P., 413—421 (in Russian).
- Kulle, V. A. 2019. In *Kol'tso «A» (Ring "A")* 123. URL: <https://litinstitut.ru/content/bog-ili-dyavol-kroetsya-v-detalyah> (accessed 03.06.2020) (in Russian).
- Musin, A. E., Shcheglova, O. A. 2017. In Musin, A. E. (ed.). *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi (In Stone and Bronze: ad gloriam Anna Peskova)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 17—36 (in Russian).
- Nikitina, O. O. 2002. *Sootnoshenie nauchnogo i religioznogo poznaniia v kontekste printsipa dopolnitel'nosti (Correlation of Scientific and Religious Knowledge in the Context of the Principle of Complementarity)*. PhD Diss. Tomsk. URL: <https://www.dissercat.com/content/sootnoshenie-nauchnogo-i-religioznogo-poznaniya-v-kontekste-printsipa-dopolnitelnosti> (accessed 03.06.2020) (in Russian).
- Russev, N. D. 2020. In Rabinovich, R. A., Telnov, N. P. (eds.). «*Na odno krylo — serebrianaia, na drugoe — zolotaia...*» *Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi* ('One her wing is silver, The other one is made of gold...': *Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva*). Series: Stratum Library. Kishinev: Stratum Plus P. P., 459—464 (in Russian).
- Ryabtseva, S. S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 27—28 (in Russian).
- Telnov, N. P. 2019. In *Revista Arheologică. Serie nouă XV* (2), 194—196 (in Russian).
- Florensky, P. A. 1994. In Florensky, P. A. *Sochineniia (Works in 4 vols.)* 1. Moscow: "Mysl" Publ., 70—78 (in Russian).
- Bacumenco-Pîmău, L. 2015. Recenzie. *Revista Arheologică. Serie nouă XI* (1—2), 327—328.
- Barbu, V. 2014. Recenzie. *Studii și materiale de istorie medie* 32, 475—477.
- Nicolae, E., Telnov, N., Boldureanu, A. 2019. Svetlana Reabțeva (1966—2019). *SCIVA* 70 (1—4), 389—408.

Статья поступила в сборник 9 июня 2020 г.

Roman Rabinovich (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Рабинович Роман Аронович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: romanescu@mail.ru

Nikolaj Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of History. Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova².

Тельнов Николай Петрович (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

E-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Addresses: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova; ² Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova